

В. В. Иванов

Труды
по ЭТИМОЛОГИИ
индоевропейских
и древнепереднеазиатских
ЯЗЫКОВ

ЗНАК
Москва
2008

В. В. Иванов

Том 2

Индоевропейские
и древнесеверокавказские
(хаттские и хурритские)
ЭТИМОЛОГИИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

ББК 81.2
И 18

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 05-04-16022

Иванов Вяч. Вс.

И 18 Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т. 2: Индоевропейские и древнесеверокавказские (хаттские и хурритские) этимологии. — М.: Языки славянских культур: Знак, 2008. — 704 с. — (Opera etymologica. Звук и смысл).

ISBN 978-5-9551-0284-9

В первой части книги собраны статьи разных лет, посвященные реконструкции на основании вновь открытых данных ряда общеиндоевропейских основ и слов, а также вопросам этимологии отдельных частей словаря хеттского и других анатолийских, древнегреческого, индоиранских, балто-славянских, кельтских, тохарских языков. Во второй части освещаются проблемы северокавказской этимологии хаттских и хурритских слов и некоторых элементов картвельского словаря, связанных с контактами между языками переднеазиатского ареала. Книга представляет интерес для занимающихся происхождением словарного состава индоевропейских, северокавказских и картвельских языков, а также историей культуры и языков Древнего Востока.

ББК 81.2

*На фронтисписах первого и второго томов
фотоанаграммы светланы ивановой*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0284-9

9 785955 102849 >

© Вяч. Вс. Иванов, 2008
© Языки славянских культур, 2008
© Знак, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	9
------------------	---

I

О возможности этимологического отождествления слов, относящихся к одинаковым словообразовательным типам, в родственных языках (праслав. * <i>dblg-ostb</i> = хет. <i>dalugašti</i>)	11
О соотношении этимологии и реконструкции текста.....	19

II

К индоевропейским названиям колеса и колесницы	21
Социальная организация индоевропейцев по лингвистическим данным	33
Индоевропейские этимологии.....	47

III

Разыскания в области анатолийского языкознания. 1а—2	55
Разыскания в области анатолийского языкознания. 3—8	65
Разыскания в области анатолийского языкознания. 9—16	76
Разыскания в области анатолийского языкознания. 17—19	82
Разыскания в области анатолийского языкознания. 15а, 18а, 19а, 20—24	91
Материалы для сравнительного-этимологического словаря анатолийских языков. Часть I (совместно с А. Ю. Айхенвальд, Л. С. Баюн).....	102
Материалы для сравнительного-этимологического словаря анатолийских языков. Часть II (совместно с А. Ю. Айхенвальд, Л. С. Баюн).....	162
Материалы для сравнительного-этимологического словаря анатолийских языков. III	215

Хеттское словообразование в сравнительно-историческом освещении.....	254
Русское <i>молить</i> и хеттское <i>malda(i)</i> -.....	264
Рецензия на кн.: <i>J. Tischler. Hethitisches etymologisches Glossar.</i> Mit Beiträgen von Günter Neumann. Lief. 1 (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Bd. 20). Innsbruck, 1977; Lief. 2. Innsbruck, 1979	270

IV

Микенское и гомеровское греческое название Соленого моря в свете сравнительного языкознания.....	277
Микенское греческое <i>wa-na-ka</i> и его индоевропейские соответствия.....	285
Древнебалканские названия священного царя и символика царского ритуала.....	291
О происхождении др.-греч. <i>ἐλέφας</i> ‘слоновая кость, слон’.....	300
Названия слона в языках Евразии. 1—3	309

V

Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазиатского (анатолийского) ареалов.....	325
К балкано-балто-славяно-кавказским параллелям.....	355

VI

Лингвистические материалы к реконструкции погребальных текстов в балтийской традиции	375
И.-е. <i>*sont</i> в балтийском и предыстория <i>Modus Relativus</i>	384
К проблеме лтш. <i>jumis</i> и балтийского близнечного культа (совместно с В. Н. Топоровым).....	386
О некоторых архаизмах прусского суффиксального словообразования	429
Прус. <i>emnes, emmens</i> ‘имя’ : иерогл. лув. <i>atlmaza</i> : хет. <i>láman</i>	431

VII

Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен	437
К реконструкции <i>мокоши</i> как женского персонажа в славянской версии основного мифа (совместно с В. Н. Топоровым).....	462
К типологическому анализу внутренней формы праслав. <i>*čelověkь</i> ‘человек’	488
К этимологии русского <i>насти</i>	494
К проблеме ‘лютого зверя’	509

Ранние коптские заимствования в славянском.....	510
Поздне(вульгарно)латинские и раннероманские заимствования в славянском	516
Славяно-арийские (= индоиранские) лексические контакты.....	525

VIII

К истории значений санскритскою <i>mleccha</i>	563
--	-----

IX

К определению названия «тохарского В» языка.....	571
Тохарская параллель к славянским уменьшительным формам.....	574
Еще о славяно-тохарских изоглоссах	580
Из заметок о тохарских буддийских текстах.....	583
Тибетские кальки в тохарских текстах.....	588
К проблеме тохаро-алтайских лексических связей.....	596
Рецензия на кн.: <i>Van Windekens. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. V. 1. La phonétique et le vocabulaire (Travaux publiés par le Centre International de Dialectologie Générale de l'Université catholique néerlandaise de Louvain, fasc. XI). Louvain, 1976.....</i>	601

X

Происхождение имени Кухулина	605
Кельтские обозначения взаимных обязательств	616

XI

Интерпретация текста хаттско-хеттского строительного ритуала (в свете данных внешнего сравнения).....	619
К проблеме соотношения древнегреческой и хаттской традиций	653
Хурритские и хаттские этимологии.....	663
Урартск. <i>mari</i> , хурритск. <i>marianne</i> , хайасск. <i>Marija</i> -.....	676
О некоторых переднеазиатских параллелях к картвельским лексемам.....	688

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий том включены работы, посвященные этимологическим исследованиям главным образом в области индоевропейских языков и некоторых других языков Древнего Ближнего Востока и Кавказа. Стремительное развитие их изучения нередко делает необходимой ревизию принимавшихся ранее объяснений. Только в части случаев можно быть уверенным в большей или меньшей достоверности высказываемых предположений. В целом остается в силе принятое в естественных науках положение об ограниченной достоверности предлагаемых гипотез. Там, где это казалось возможным, автор стремился соотнести напечатанные ранее этимологии с современным состоянием знаний, сопровождая старые статьи постскриптумами. Это представлялось нецелесообразным применительно к некоторым языкам, в отношении которых, как, например, лувийских и анатолийских позднего (античного) времени, интерпретации непрерывно пересматриваются. В этих случаях, в особенности при перепечатке совместных с другими соавторами трудов, я считал нужным сохранить исходный текст для истории науки (тем более, что первоначальные издания по условиям публикации не всегда были широко известны). Тексты первых публикаций и их заглавия иногда были сокращены или изменены для прояснения смысла.

Автор возвращался к одной и той же теме в разное время. Это сделало неизбежным наличие повторений, создающих известную цельность тома и поэтому нередко сохранных.

Хотелось бы отметить вклад, внесенный в разработку многих публикуемых этимологий покойными друзьями и коллегами, прежде всего В. Н. Топоровым и С. А. Старостиным, щедро делившимися с автором встречными мыслями и советами.

**О ВОЗМОЖНОСТИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО
ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ СЛОВ,
ОТНОСЯЩИХСЯ К ОДИНАКОВЫМ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ТИПАМ,
В РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ
(ПРАСЛАВ. *DǪLG-OSTŬ = ХЕТ. DALUGAŠTI)***

Одной из важнейших задач сравнительно-исторического исследования словообразования является выяснение того, в какой мере словоформы при этимологическом родстве корней и деривационных аффиксов могут быть признаны исторически тождественными. В последнее десятилетие многократно высказывался в этом отношении скептицизм, связанный с альтернативной возможностью объяснения таких слов конвергентным параллельным образованием. Представляется, однако, что могут быть сформулированы критерии, по которым идентичные производные, засвидетельствованные порознь в ряде родственных языков в ранних памятниках, могут быть надежно признаны унаследованными словообразовательными архаизмами. Для формулирования соответствующих закономерностей полезно использовать возможности, предоставляемые генеративными и компьютерными методами. Составленный для данного языка или праязыка (например, для праславянского в последних этимологических словарях, материалы которых широко использованы ниже) большой словарь словоформ может быть эквивалентен сложной системе их порождения, состоящей из набора трансформационных правил, превращающих сочетание корня с аффиксом (или несколькими аффиксами) в основу, оформляемую далее словоизменительными элементами. При этом могут быть

---

* Издано в: Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / Отв. ред. д. филол. н. Г. П. Нецименко. М.: Наука, 1987, с. 150—156.

заданы таблицы корневых морфов и аффиксов, используемых в правилах порождения основ и словоформ. Можно оценить количественно величину словаря (или микрословарей для отдельных словообразовательных классов и / или семантических групп) и сложность правил порождения. Хотя при малом (микро)словаре его, казалось бы, легче задать списком (перечнем), тем не менее именно в этом случае лучше иметь правила порождения, т. к. они позволяют гипотетически заполнить случайно отсутствующие словоформы, которые теоретически возможны. При большой величине словаря можно придать на статистическом основании «веса» отдельным словообразовательным типам и относящимся к ним словоформам. Продуктивность (статистически оцениваемая в системе парадигм и в текстах, включая реконструируемые) связана обратной зависимостью со степенью архаичности, определяющей вероятность «выживания» данной формы, унаследованной от предшествующего состояния языка. Иначе говоря, предполагается, что в словообразовательной системе, как и в языке в целом¹, направление времени («стрелка времени», если пользоваться терминологией физики²) определяется статистически понимаемой энтропией: чем чаще данный словообразовательный тип встречается в парадигме (и в тексте), тем выше его продуктивность и соответственно тем менее вероятно его отнесение к архаическим слоям словообразования. Чем большее количество информации (обратное по знаку энтропии) содержится в словообразовательном правиле порождения, тем вероятнее отнесение его к предшествующим этапам истории языка. В качестве примера рассмотрим тип основ с суф. **os-ti*, служащим для образования отвлеченных производных от прилагательных. С самого начала исследования хеттского языка высказывалось предположение об изначальном тождестве хет. *dalugašti* 'длина' и польск. *dlugość*. Однако это не раз повторявшееся сопоставление, чаще всего формулировавшееся как относящееся к двум языкам, не считалось достоверным; Бенвенист 20 лет назад выступил с категорическим отрицанием возможности родства этих двух слов и самих содержащихся в нем суффиксов, которые он признавал только результатами параллельного развития³.

Новейшие этимологические словари праславянского⁴ не позволяют сомневаться в принадлежности **dǫlg-ost-* = *dǫlg-ostь*⁵ к праславянскому. В каж-

¹ Вяч. Вс. Иванов. Вероятностное определение лингвистического времени // Вопросы статистики речи. Л., 1958.

² Вяч. Вс. Иванов. Категория времени в искусстве и культуре XX века // Structure of texts and semiotics of culture. The Hague; Paris, 1973.

³ E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Études comparatives. P., 1962.

⁴ Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1978. Вып. 5; Słownik prasłowiański. Wrocław, etc., 1979. Т. III. Davъль—dobъtias.

⁵ Об ударении см.: В. А. Дыбо. Славянская акцентология. М., 1981.

дой из подгрупп славянских языков слова, восходящие к этому общеславянскому, представлены, начиная с ранних текстов: в лехитских диалектах (в польском *dlugość* 'rozciągłość liniowa w przestreni, w czasie' [жен. р.], с XIV в.), также в диалектах (Zaręba, Siołkowiec, Szymczak, Domaniewek, Górniewicz, Malbork), в кашубском *dhugosć*, словинском — *dleg^uosc*, *dl^ugosc* по Лоренцу, в лужицких (н.-луж. *dlugosć* 'пространственная протяженность', жен. р., засвидетельствовано с XVI в. современное *dhujkosć*, в.-луж. *dothosć*, жен. р. 'продолжительность, длительность'), в чешском (сущ. жен. р. *dlouhost* 'продолжительность, длительность', начиная с древних текстов; ст.-чеш. *dluhost*) и словацком (*dlhost'* только как грамматический термин), словенском (*dolgost* с XVI в.) и сербохорватском (*dužost*, *dužost* в старых текстах с XVII в.), в старославянском (древнеболгарском) *длъгост*, в русском изводе церковнославянского (*дългость*, *длъгость*), в русском (*долгость* — 'долгота как свойство, продолжительность'), в староукраинском (*дóвгисть*, род. п. *довгости*, с XV в.), в белорусском (*дóвгосць*).

Продолжаемая во всех формах этих языков основа образована от праслав. **dǫlgъ* 'долгий, длинный', представленного в большом числе общеславянских словосочетаний, сложных слов и производных типа **dlǫg-aǫbъ* 'высокий человек', **dlǫg-aǫbъ*, значение, близкое к предыдущему, **dlǫg-alъ*, то же значение, **dlǫg-ula* с близким значением, в восточнославянском и западно-южнославянском, **dlǫg-umъ* 'что-либо продолговатое', **dlǫg-anъ*/**dlǫg-anъ*, значение, близкое к предыдущему, **dlǫg-astъ* 'длинноватый' (соотношение с суф. *-osti* у прилагательных этого типа заслуживает особого исследования в силу наличия индоевропейских параллелей), **dlǫg-avъ*, значение, близкое к предыдущему, **dlǫg-okъ* / **dlǫg-oǫbъ* 'очень, необыкновенно длинный, долгий', **dlǫg-osъ* 'длинный человек, нечто длинное' (с вариантами огласовки суффикса по отдельным славянским языкам, русск. диал. *долгѹша*, *долгишѹм* 'волоком' и т. п.), **dlǫg-uni* 'длина' в западно-южнославянском и восточнославянском, **dlǫg-grivъ* 'долгогривый' — древний коневодческий термин, вторая половина принадлежит к числу коневодческих терминов, общих для индоарийского и праславянского (см. ниже об изоглоссах этого типа в специальной статье), **dlǫg-go-nogъ* (ю.-слав. **dlǫg-korkъ* 'длинноногий'), **dlǫg-go-nosъ* 'длинноносый'; **dlǫg-go-pole* 'длинное поле', **dlǫg-go-prstъ* 'длиннопалый', **dlǫg-go-rǫkъ* 'длиннорукий', **dlǫg-go-rǫbъ* 'с длинным острием', **dlǫg-go-šъbъ* 'длинношей', **dlǫg-go-uchъ* 'длинноухий', **dlǫg-go-vezъ* 'долговязый', **dlǫg-go-vekъ* 'долговечный', **dlǫg-go-volkъ* 'с длинными волосами', **dlǫg-go-volsъ*, южно-слав. **dlǫg-go-kosъ* 'длинноволосяй' (Słownik 1979, с. 257—269). Часть их восходит к диалектным индоевроп. архаизмам (**dǫlg-ota*, др.-инд. *dīrgh-atā*, которые, однако, Майрхофер⁶

⁶ M. Mayrhofer. Kurzgefaßtes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1963. S. 47. Bd. II.

считает без достаточных на то оснований независимыми друг от друга, *dľgo-bordь, ср. имя лангобардов и т. п.). Деривационный суффикс *-ostь* представлен значительным числом праславянских производных от прилагательных типа *stár-ostь, *mōdr-ostь, *svēt-ostь, *dobr-ostь, *div-ostь (: *div-ota), *pol-ostь (: *polь 'полюй'), *bolg-ostь, *dorg-ostь 'драгоценность' > 'радость' *rad-ostь (засвидетельствовано в древненовгородском, представляющем собой архаический северо-восточный диалект праславянского), *dik-ostь (представлено в восточнославянском и лехитском), о.-слав. *blěd-ostь, *bliz-ostь (в южнославянском и восточнославянском), *drž-ostь, *dur-ostь (засвидетельствовано в восточнославянском), *běl-ostь, *bъz-ostь, *bystr-ostь, *debel-ostь, *dľžn-ostь; ср. также фонетический вариант суффикса *bol-estь (от *bolь), *divъj-estь (: *div-ostь) и т. п. Поэтому, в принципе, *dblг-ostь могло бы (как и *dblг-ota) быть и собственно праславянским новообразованием. Но формы других родственных языков заставляют отодвинуть дальше вглубь время возникновения этого производного, как и других, с ним связанных.

Хет. *dalug-ašti* 'длина' к *daluk-i-* 'долгий' представлено вместе с *palh-ašti* 'широта' (= слав. *pol-ostь к хет. *palh-i-* 'широкий') в новохеттских копиях, архаизирующих эпические тексты, переложённые с хурритского (около середины II тыс. до н. э.), поэме об Улликумми (*na-aš da-lu-ga-aš-ti* 3 KAS. GID *pal-ḫa-aš-ti-ma-aš-x* KAS. GID 'и она в длину 3 версты, в ширину (...) верст' о скале-матери героя Güterbock 1952) и Хедамму DUMU. SAL-LA *da-lu-ga-aš-ti-ia* (...) (*pal-ḫ*)*a-aš-ti-ma-aš* DANNA 'дочь моя в длину (...), в ширину 1 верста' — о дочери моря Шертапшухури⁷. При образовании *dalug-ašti-* (*palh-ašti*) от *daluk-i-* (*palh-i-*) использовалась основа без суффикса прилагательного *-i-*, как у архаичных глаголов *dalugnu* 'удлинять'; ср. модальное производное на **-l-* *dalugnu-la* 'должное быть удлиненным' (в древнехеттском ритуале)⁸, *daluk-ešš-* 'стать длинным'; ср. также *park-u-* 'высокий' (и.-е. *b^hrg^h-u*, др.-арм. *barjr*): *park-ašti* 'высота' по Гютербоку⁹ рядом с *palḫašti* в поэме об Уликумми: *barg-(a)nu(la)* 'который надо сделать высоким': *park-es-* 'возвышаться' при позднейшем *park-au-eš-* с тем же значением, где присутствует суф. *-au-*, в *park-eš-* отсутствующий. Соответствующая основа прилагательного на *-u-* от корня *daluk-*, предполагаемая древним производным *dalug-nu-*, где *-n-u* неко-

⁷ J. Siegelová. Appu-Märchen und Hedammu-Mythus // Studien zu den Bogazköy. Texten. Wiesbaden, 1971. S. 38. H. 14.

⁸ О точных морфологических соответствиях в славянском и об употреблении данной хеттской формы см.: Вяч. Вс. Иванов. Происхождение славянских глагольных форм на *-l-* // Сов. славяноведение. 1981. № 6. С. 91—102, там же приводится дальнейшая литература вопроса.

⁹ См.: H. G. Güterbock. The Song of Ullikummi // Journal of cuneiform studies. 1952. № 4.

гда образована инфиксацией глагольного носового аффикса в основу прилагательного **dalug-u-*, может быть засвидетельствована в форме дат. пад. мн. ч. *da-a-lu-ga-u-wa-aš* KUB XXVII 67 II 40 (иногда форма вслед за Кронассером объясняется как вторичная¹⁰). В таком случае и для праславянского не только при использовании сравнения с хеттской формой¹¹, но и на основании форм типа **dĭ'govъ*, **dĭ'govatъ*, **dĭ'go-vitъ*¹² можно было бы предположить наличие древней основы на **-u-* того же типа, что и в других индоевропейских названиях признаков-прилагательных на *-u-*, относящихся к той же семантической группе¹³ и специально выделяемых в качестве общих для анатолийского, балтийского и славянского¹⁴. При архаичности контекстов, в которых встречаются данные формы на *-ašti*, они не являются в хеттском продуктивными. Поэтому совпадение хет. *dalug-ašti* = слав. **dъlg-ostъ*; хет. *palĥ-ašti* = слав. **pol-ostъ* свидетельствует о происхождении их от одинаковых индоевропейских праформ. Употребление *dalugašti* (...) *palĥašti* в хеттском в двух приведенных текстах сходно с ст.-слав. (др.-болг.) *длъгость же* и *ширость* (Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского, с. 126) и допускает реконструкцию *N-*osti*, (...) *N-*osti* как приема. Для *dalug-ašti* можно думать о развитии **dĭHgh-* > *doluk-* с особым рефлексом группы **-ĭH-* (ср. греч. *δολιχο-*, для которого и родственного др.-инд. *ḍīrgha* восстанавливалось **dĭxgho-*¹⁵); в таком случае хеттская и славянская формы восходят к и.-е. **dĭHgh-ošti*. Хеттские формы однозначно указывают на индоевропейское суффиксальное ударение в отличие от славянских, ср. к акцентологическому противопоставлению хет. *da-a-lu-ki-eš-zi*, где ударение явно на корне.

Засвидетельствованные в хеттском параллельные глагольные формы с начальным *z-* вместо *d-* (*zalug-nu-*, написание *za-lu-ug-nu-zi*, *zaluk-ešš-* = *za-lu-ki-iš-zi*) свидетельствуют о неустойчивости *d-* в позиции перед **-ĭH-* после редукции корневого гласного. Аналаутное чередование *d-/z-* в этой хеттской основе объясняют ассибилизацией, происходившей из-за палатализации, очевидно, в позиции перед редуцированным гласным переднего ряда *e* в субморфе **d_el-* > *zal-*, тогда как в позиции перед **o* > *a* в субморфе *dal-* (по ог-

¹⁰ J. J. S. Weitenberg. Die hethitischen U-Stämme // Academisch Proefschrift. Amsterdam, Rodopi, 1984. § 731. P. 272.

¹¹ Słownik prasłowiański... S. 262—265.

¹² Этимологический словарь славянских языков... С. 207, 209.

¹³ Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2. С. 782.

¹⁴ J. Puhvel. Balto-Anatolian lexical isoglosses // Investigations Philologicae et Comparativae. Innsbruck, 1982.

¹⁵ K. Strunk. Verkannte Spuren eines weiteren Tiefenstufentyps im Griechischen // Glotta. 1969. Bd. 47. H. 3—4.

ласовке сопоставимым с греч. *δολιχός*)¹⁶ палатализации не происходит, это, однако, чрезвычайно проблематично¹⁷, потому что, во-первых, нулевая степень редукции корневого гласного делает палатализацию сомнительной, во-вторых, палатализация *d в хеттском обычно давала *š*: *šiu* 'бог' < **deiu-/diu-*. Кажется, однако, возможным сопоставить чередование *d-/z-* в начале этого слова с аналогичным чередованием *l-/z-* в начале слова *laman-/zaman-* (дат. п. *zamn-i*, род. п. *zamnus*)¹⁸ при первой смычной *-t-* в лув. *atimaza* 'имя' и начальном спиранте в семитском слове (финик. *šm* и т. п.; в других ностратических языках — уральских — представлена последовательность *n...m* в возможном древнем индоевропейском заимствовании при обратном порядке *m...n* в сино-тибетском). В этом последнем случае наблюдаемое соответствие между чередованием *l-/z-* ~ *t-* в анатолийском и семитском анлауте заставляет вспомнить о предлагаемом в последнее время сближении с сем. *²*-r-k* для и.-е. **delg^hH-*¹⁹, хотя фонетическая сторона этого сближения и остается неясной. Более существенно другое: и в слове, обозначающем 'имя' (прус. *emnes*, *emnes* < *nmen-s, сопоставимое с лид. *ētamś* 'имя', возводится соответственно к *etamaⁿ-s, ср. иерогл. лув. *átimaⁿza* = *atimāza*²⁰; слав. *jьme рус. *имя*, болг. *име*, с.-хорв. *име*, словен. *imê*, чеш. *jméno*, ст.-чеш. *jmě*, словц. *meno*, польск. *imię*, в.-луж. *tjeno*, н.-луж. *mě*, полаб. *jeima*), балтийский (к которому в этом случае примыкает славянский и албанский) отражает основу с деформацией анлаута. В этом отношении название 'имени' сопоставимо с обозначением 'долготы, длины' как признака, где в хеттском обнаруживается явная неустойчивость начального согласного (можно было бы задаться вопросом, не следует ли здесь, как и в названии 'имени', видеть отражение какой-то позднее исчезнувшей особой древней фонемы; фонетически более вероятно сближение сем. *²*-r-(k)* с основой лув. *ara-i*, иерогл. лув. *ara*, тох. А *aryu-*²¹, ареальная основа, сближающаяся с *dalug-n-u-* только типом основы на носо-

¹⁶ F. Josephson. Assibilation on Anatolian // Hethitisch und Indogermanisch. Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Bd. 25. Innsbruck, 1979; N. Oettinger. Das hethitische Verbum. Göttingen, 1979. S. 249, примеч. 23, S. 447.

¹⁷ J. J. S. Weitenberg. Op. cit. S. 72, 441, примеч. 424.

¹⁸ Chicago Hittite Dictionary by H. Hoffner, H. G. Güterbock. Chicago, 1980. V. III. L—M. S. 39; Вяч. Вс. Иванов. Прус. *emnes*, *emnes* 'имя': иерогл. лув. *atimaza*: хет. *laman* // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 104—108 (см. ниже в этом томе).

¹⁹ S. Levin. Indo-European descriptive adjectives with «Oxytone» accent and Semitic stative verbs // General linguistics. 1984, V. 24. № 2.

²⁰ O. Carruba. Der Casus auf -sa des Luwischen // Investigationes Philologicae et Comparativae. I. 1982; В. Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. Е—Н. М., 1979. С. 28—29; Вяч. Вс. Иванов. Прус. *emnes*...

²¹ J. Puhvel. Hittite etymological dictionary. Berlin, 1984. S. 178.